

Еще раз об омонимии в фитонимии:
Colchicum, Crocus, Gymnadenia, Iris, Orchis, Sternbergia

Для народной ботанической таксономии характерно наличие омонимических отношений. Появление омонимии обусловлено переносом названия с одного вида растений на другой, относящийся к тому же или иному семейству и роду. Омонимия осложняет лингвистам задачу точной идентификации растения, т. е. определения референта с его отличительными свойствами (о дифференциальных свойствах растений, инициирующих процесс номинации см.: [Séguy, 1953, 292]), а следовательно, и отнесение фитонима к соответствующему семантическому типу и его дальнейший формально-этимологический анализ. Точная ботаническая идентификация одинаково названных растений помогает выявить причины появления омонимов и установить, идет ли речь об омонимичной полисемии, омонимичной генерализации или о том, что Стромберг называл *Verwächslung* (путаница, смешение) [Strömberg, 1940, 15]. Сейдиу, следуя за Сеги (Séguy), понимает под омонимичной полисемией такой перенос названия, который обусловлен общими или сходными свойствами одинаково названных растений, а под омонимичной генерализацией – перенос названия, причиной которого явилось отсутствие специфичных, отличительных свойств этих растений [Sejdiu, 1984, 352].

Перенос названий наиболее характерен для номинации сорняков, специфические ботанические черты которых трудноопределимы [подробнее см.: Dokić, 2000]. В докладе ставятся следующие задачи: 1) представить корпус сербско-хорватских синонимичных лексем, называющих сорные растения из рода *Colchicum, Crocus, Gymnadenia, Iris, Orchis* и *Sternbergia*; 2) определить причины появления идентичных названий; 3) установить ситуацию номинации, которая обусловила появление идентичных наименований растений, имеющих общие или сходные свойства, и 4) охарактеризовать способы образования фитонимов: семантическая и аффиксальная деривация, словосложение, заимствование [Шпис-Булум, 1995, 12, сноска 15]).

Поскольку значение сорных растений для человека не так велико (людьми они используются не часто или вообще не используются), сфера их номинации дает большую свободу для речевого выражения. Для них характерно «переплетение» названий: сорные растения могут иметь несколько обозначений, некоторые из них переносятся на другие виды, в свою очередь носящие несколько названий. В работе анализируются этимологически непрозрачные номинации, которые еще не становились предметом серьезных исследований (с.-х. *кађун, брндуша, козлићи, сабљице, желењак*). Некоторые из них упоминаются в славянских этимологических словарях, однако предложенные этимологические решения могут быть пересмотрены с учетом не только фонетико-морфологического, но и ономастиологического аспекта. Остальные фитонимы, относящиеся к рассматриваемой группе, будут привлекаться в качестве фона.

С целью более точного определения происхождения и мотивационных признаков фитонимов в работе используются методы сравнительно-исторического, мор-

фемного, фонологического и ономастолого-семасиологического анализа. Результаты данного исследования значимы не только для создания типологии признаков фитонимов, но и для сербско-хорватской и славянской этимологической науки в целом.

Шпис-Булум М. Л. Фитонимија југозападне Бачке // Српски дијалектолошки зборник. 1995. XLI. С. 397–490.

Dokić M. R. O homonimiji u fitonimiji: stgr. 'ανδράχνη i sh. *jandrašika* // Јужнословенски филолог. 2000. LVI/1–2. С. 411–420.

Séguy J. Les noms populaires des plantes dans les Pyrénées centrales. Barcelone, 1953.

Sejdiu Sh. Formalna i semantička podudaranja u denominacionim postupcima u fitonimiji romanskih jezika s albanskom i hrvatskosrpskom fitonimijom: Doktorska teza u rukopisu. Sveučilište u Zagrebu. Filozofski fakultet. Zagreb, 1984.

Strömberg R. Griechische Pflanzennamen. Göteborg, 1940.

В. Н. Калущков
Москва

О ландшафтном подходе в топонимических исследованиях

П о с т а н о в к а п р о б л е м ы. Концептуальной основой географических исследований топонимии в 1960–1970 гг. являлось понимание топонима как «слова на географической карте». Такая концепция топонима была рассчитана на «мелкомасштабное» использование, при котором топоним является точкой, не имеющей территориального измерения. Многочисленные исследования локальных культур, выполненные в 1970–1990 гг. диалектологами, этнографами, фольклористами, топонимистами и географами, показали, что на локальном уровне исследования топоним перестает быть «точкой», приобретая пространственные и территориальные характеристики. При этом с позиции географического видения таких исследований возникает ряд методологических вопросов.

Во-первых, с какими географическими объектами соотносится топоним? Если только с местами («топономастика – наука о собственных именах мест»), то как быть с «неместами» – угодьями, урочищами, территориями, природно-территориальными комплексами, регионами? Во-вторых, как соотносятся «географический объект» и топоним, образуют ли они новое качество или должны рассматриваться по разным «ведомствам»?

В рамках л а н д ш а ф т н о г о (культурно-ландшафтного) подхода топонимия (шире – ономастика) рассматривается как подсистема культурного ландшафта. Иные ландшафтные подсистемы – природная среда, селитьба, хозяйство, сообщество, духовная культура. Данная объектная модель культурного ландшафта обладает значительным эвристическим потенциалом и может использоваться как в моно-, так и междисциплинарных исследованиях [Калущков, 2004; 2008].

Один из аспектов культурно-ландшафтного подхода связан с субъективизацией культурного ландшафта. Любой культурный ландшафт уже имеет своего